

Чжоу Ч.

Жизненные цели как смыслообразующий фактор жизни
представителей русской и китайской культур

Zhou Z.

Life Goals as a Meaning-Giving Factor
in the Lives Representatives of Russian and Chinese Cultures

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается реализация целей человека в основных сферах жизнедеятельности и связи данного процесса с осмысленностью им жизни. Особое внимание уделяется роли культуры как важнейшего ситуационного фактора. Проведено исследование среди 293 представителей русской и китайской культур, из них 143 носителя русского языка, 150 носителей китайского, средний возраст $27,4 \pm 7,4$ лет. Применены отдельно в двух выборках факторный, кластерный и сравнительный анализы. Получены следующие результаты. Целевая регуляция поведения человека носит контекстуальный характер – в обеих выборках постановка и достижение целей связаны с оценкой человеком возможностей, предоставленных ему актуальной жизненной ситуацией. В результате кластерного анализа русскоязычная выборка разделена на три группы. По итогам сравнительного анализа существенные различия выявлены между всеми тремя группами по таким показателям, как значимость жизненных целей, оценка возможностей жизненной ситуации и ощущение осмысленности жизни. В русской выборке чем более важными человек считает свои жизненные цели, чем больше возможностей для их достижения он видит в жизненной ситуации, тем более осмысленной он ощущает собственную жизнь. Китайскоязычная выборка разделена на две группы, отличающиеся значимыми различиями. В этой выборке обнаружено, что человек ощущает осмысленность жизни в зависимости от степени его готовности к изменениям, удовлетворенности жизнью, близости к родительской семье, ориентации на традиционные и семейные ценности

Ключевые слова: жизненные цели, целевая регуляция, осмысленность жизни, жизненная ситуация, культура

Для цитирования: Чжоу, Ч. Жизненные цели как смыслообразующий фактор жизни представителей русской и китайской культур // Новые психологические исследования. 2024. № 1. С. 57–78. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_01_03

Введение

В связи с изменением способов взаимодействия человека с миром в современной реальности становится особо актуальной проблема целевой регуляции поведения человека. Вопрос об определении своего места в мире является одним из ключевых в психологии личности, исследование целевой регуляции поведения относится к фундаментальным в его изучении. В данной статье мы рассматриваем соотношение реализации людьми жизненных целей и осмысления ими жизни в конкретной жизненной ситуации. При этом немаловажное значение в целевой регуляции поведения человека играет культура как ситуационный фактор.

С момента выделения К. Левином понятия «жизненное пространство», которое является центральным в его теории поля, в психологических науках все большее внимание обращают на контекстуальные и динамические характеристики деятельности человека. Поведение человека, с одной стороны, направляется его намерениями, возникающими на основе его внутренних потребностей, а, с другой стороны, их возникновение и осуществление зависят от ситуации. Соответственно, кардинальные изменения, происходящие в современном мире, не могут не оказывать влияния на активность человека.

В условиях постоянных перемен человек каждый момент стоит перед выбором. Традиционные эталоны стабильного общества подвергаются сомнению, опыт старшего поколения уже не может содержать готовых решений, и даже старшим поколениям для принятия решений в условиях многочисленной и разнообразной информацией приходится усваивать новые взгляды современности. В таком мире каждый должен нести ответственность за свой выбор, процесс взаимодействия человека с его окружающим миром стал более индивидуальным. Индивидуализация этого процесса в психологическом аспекте проявляется в движении от детерминации к самодетерминации, в таких изменениях в ценностно-смысловой области, как уменьшение у младших поколений значения консервативных ценностей, стремление к изменениям и новизне и т. д.; в экзистенциальном аспекте – в осознании авторства собственной жизни и ответственности за свой жизненный выбор (Гришина, 2013). Изменения, произошедшие и происходящие в современном контексте и во внутреннем мире человека, приводят к усилению внимания к психологии его взаимодействия с ситуацией.

В изучении индивидуального взаимодействия личности с ее жизненным контекстом важнейшими являются понятия цели и целевой регуляции поведения человека. Цели можно определить как внутренние представления человека о желаемых результатах (Austin, Vancouver, 1996). Приспосабливаясь к социальной среде, оказываясь авторами собственной жизни, люди ставят перед собой различные цели, и эти цели становятся частью их личности (Emmons, 1986). Цели, по мнению американского ученого Клингера, служат стержнем психологической организации. Будучи внутренними репрезентациями желаемых результатов, цели определяют содержание сознания, включая мысли человека и сопутствующие им эмоциональные состояния. Ученый показал, что чувства и эмоции человека, которые он переживает, связаны с природой его целей и статусом их достижения (Klinger, 1998). Иными словами, в цели человека включаются аффективный и когнитивный составляющие. В своей работе Н.В. Гришина указывает необходимость изучения понятия цели в связи с тем, что цель относится к действенному компоненту во взаимодействии человека со своей ситуацией (Гришина, 2023). Таким образом, в нашем исследовании цель рассматривается в качестве регулятора активности человека, она является результатом взаимодействия человека с его жизненной ситуацией. В целях человека проявляется его когнитивная интерпретация ситуации, аффективное переживание этой ситуации, в соответствии с этими мыслями и чувствами он ставит перед собой цели и стремится к их достижению в действительности.

Цели также рассматриваются как конкретизированное выражение ориентации на будущее и осмысленность жизни, более того, цели представляют собой мощную метрику для изучения этих значимых элементов позитивной жизни. Например, достижение цели, по-видимому, является основным критерием для благополучия человека и формирования его чувства удовлетворенности. Психологи утверждают, что стремление к целям является важным для психологического благополучия и «хорошей» жизни (Frisch, 1998). Мы чувствуем себя счастливыми, когда считаем, что продвигаемся к осуществлению наших целей (Lazarus, 1991).

Часто предполагают, что быть счастливым является конечной целью жизни людей. Однако, как показывают исследования, счастье – это скорее не главная цель жизни человека, а продукт и результат его включения в достижение целей, которые считаются им достойными. Известно, что каждый человек по-своему понимает, что такое «хорошая жизнь», и каждый получает удовлетворение или

ощущает жизнь счастливой по-разному. При этом среди разных людей существуют совпадающие моменты. Люди достигают и поддерживают свое благополучие в основном в таких сферах жизни, которым они придают наибольшее значение (Oishi, 2000). Более того, те, кто ставит перед собой значимые цели, счастливее тех, у кого таких целей нет (Emmons, 1996). В то же время счастливый человек придает большее значение своим целям и верит, что они с большей вероятностью осуществляются (Emmons, 1986). Уверенность в достижении своих целей повышает уровень психологического благополучия (Carver, Scheier, 2001), а наличие значимых целей и продвижение в их достижении увеличивают возможности в долгосрочном благополучии (Brunstein, 1993; Emmons, 1986).

Однако жить хорошей жизнью – это нечто большее, чем просто быть счастливым. Имеется разница между счастливой жизнью и осмысленной жизнью. Иногда они могут совпадать, а иногда нет. Эмпирические исследования показали, что сильное чувство осмысленности жизни связано с удовлетворенностью жизнью и счастьем, а его отсутствие предсказывает депрессию и отстраненность (Reker, Wong, 1988; Wong, Fry, 1998). В большинстве исследований осмысленность жизни принимается как относительно независимый компонент благополучия, в связи с чем исследователи включили ее в концептуальную структуру благополучия, качества жизни и личностного роста (Compton et al., 1996; Ryff, Keyes, 1995). В отличие от ощущения счастья, которое обычно чувствует человек здесь и сейчас, обретение смысла не ограничивается актуальными пространственными и временными реалиями. Смысл жизни интегрирует опыт прошлого, настоящего и будущего (Baumeister et al., 2013). Рассматривая свою жизнь как последовательную, значимую и осмысленную, люди расширяют взгляд на свои текущие жизненные проблемы. Это позволяет человеку увидеть выход из его нынешней неприятной ситуации и осознать, что он сможет ее пережить для достижения целей в будущем.

Когда люди описывают свои представления об осмысленной жизни, они обычно говорят о своих жизненных целях в будущем. Поскольку наши мысли, чувства и поведение связаны с тем, что мы ценим и к чему стремимся, большая часть наших действий направляется на достижение этих целей. А какие цели оказывают достаточно важное влияние на внутреннее состояние человека, придают ему ощущение счастья и осмысленность жизни?

В свое время А. Адлер (Адлер, 1986) указал, что формирование смысла жизни человека тесно связано с решением проблем,

появляющихся в рамках трех основных жизненных тем – профессии, дружбы (межличностные отношения) и любви (интимные и семейные отношения). Человек старается всю жизнь достичь целей в этих трех сферах. С тех пор психологи уделяют внимание данному положению и в эмпирических исследованиях проверяют его с помощью различных методов. Анализируя ряд исследований, посвященных осмысленности жизни, Р. Эммонс выделяет четыре основные категории жизни – профессиональные достижения, межличностные отношения, духовность, самоактуализация и помощь другим и обществу. Достижение желаемых результатов в этих областях дает человеку чувство осмысленности жизни (Ebersole, 1998; Wong, 1998; Emmons, 2005). Кроме того, результаты исследований последних лет, проведенных в рамках теории самодетерминации, демонстрируют, что цели, связанные с удовлетворением базовых психологических потребностей человека в компетентности, автономии и отношениях с другими, приносят ему более сильное ощущение осмысленности жизни, чем цели, ориентирующиеся на внешнее благополучие (Ryan, Deci, 2017; Humphrey, Vari, 2021). Были получены аналогичные результаты в исследованиях, проведенных российскими психологами. В исследованиях, посвященных жизненным сценариям и жизненным моделям, были выделены три важнейшие сферы деятельности человека, которые включают практически все значимые виды его жизненной активности – сфера профессионального самоопределения и профессиональной деятельности, область близких отношений и персональная сфера, касающаяся саморазвития, личностного роста и т.д. (Костромина и др., 2021). Значимость целей, относящихся к этим основным сферам жизни, была доказана в проведенном Н.В. Гришиной исследовании, посвященном целевой регуляции поведения человека (Гришина, 2023).

В нашем исследовании мы рассматриваем цели в материальной, профессиональной, межличностной и персональной сферах. Кроме того, на основе анализа литературы и проведенного нами пилотажного исследования, к этим четырем сферам для своего эмпирического исследования мы добавили еще благотворительную сферу.

Стоит отметить, что вместо определения цели и осмысленности жизни в качестве двух параллельных или совпадающих понятий, Н.В. Гришина подтверждает необходимость формирования уровневой модели целевой детерминации активности человека (Гришина, 2023). По мнению Н.В. Гришиной, в обыденной жизни человек ставит перед собой повседневные *задачи*, например, «прохождение практики в кри-

зисных центрах». По отношению к этому, на жизненном уровне он осознанно или неосознанно ставит *цели*, например, «повышение профессиональной квалификации». Поставленные задачи и цели порождают у него чувство осмысленности жизни на экзистенциальном уровне – ощущение событийной наполненности и значимости процесса жизни. Соответственно, это чувство способствует тому, что человек стремится к своим целям и выбору. Таким образом, повседневные задачи, жизненные цели и осмысленность жизни человека взаимодействуют друг с другом в одной открытой системе, отражающей его личностные особенности и характеристики его жизненного контекста. Это означает, возможно, что, только если человек имеет значимые для него цели, он ощущает свою жизнь осмысленной. Иными словами, важно не только то, какие конкретные цели человек перед собой ставит, но и то, как он оценивает, существуют ли возможности в его актуальной жизненной ситуации для постановки и достижения целей.

Таким образом, ситуационные характеристики оказывают сильное влияние на поведение человека, при этом культура как важнейший компонент контекста, с нашей точки зрения, требует подробного обсуждения. Культура играет неотъемлемую, формирующую роль в развитии когнитивных, аффективных и мотивационных процессов индивида. В ходе социализации человек формирует интерпретационные паттерны, которые определяют его взгляд на мир, себя и свое место в этом мире (Markus et al., 1996; Shweder et al., 1998). Более того, культурное может встраиваться в более высокие закономерности, по мере самоопределения личности по отношению к экзистенциальным проблемам своего бытия в мире. По сравнению с социальным, соотносящимся со сферой необходимого, культурное действует в сфере возможного, что означает, что в область культурного личность может вступать или покидать ее по своему выбору (Леонтьев, 2013). В связи с этим, культура рассматривается нами в данном исследовании как важнейший ситуационный фактор, формирующий субъективную интерпретацию собственного жизненного контекста человека и влияющий на его выбор и реализацию целей в главных сферах жизнедеятельности.

В многочисленных кросс-культурных исследованиях обсуждение влияния культуры на цели человека фиксируется на таких характеристиках, как индивидуализм и коллективизм. В индивидуалистических культурах «Я» имеет отдельную сущность, главная задача человека – «выделиться» из других, стать отличным от других с помощью самодостаточности и личных достижений. А

в коллективистских культурах «Я» трактуется как связанное существо, его главная задача — «валиться» в коллектив, поддерживающий межличностные отношения и групповую гармонию (Heine, Lehman, 1999; Markus, Kitayama, 1991). Соответственно, эти различные культурные взгляды способствуют разнообразию мотивационных процессов личности, что проявляется в постановке ею и достижении целей.

Результаты исследований показывают, что жители коллективистских стран и американцы азиатского происхождения при постановке целей предпочитают избегать негативных результатов, а местные американцы более склонны к достижению положительных результатов (Elliot, 2001); американцы чаще, чем японцы, обращают внимание на результат достижения целей, в то время как японцы чаще концентрируются на конкретном уровне, на процессе достижения целей (Miyamoto et al., 2013). Кроме того, в исследовании, проведенном в США и России, было обнаружено, что в американской выборке только достижение внутренних целей, напрямую связанных с автономией, компетентностью и взаимосвязью с другими, может предсказать удовлетворенность жизнью, а в российской выборке и внутренние, и внешние цели вносят свой вклад в удовлетворенность жизнью (Ryan et al., 1999). Аналогичные результаты были получены в исследовании с участием старшеклассников США и Китая. Была обнаружена положительная связь между внутренними жизненными целями и психологическим благополучием в обеих странах. Однако только среди китайских респондентов внешние цели играют роль в субъективном благополучии (Lekes et al., 2010). Несмотря на то, что культура, как и экономика, сегодня переживает процесс глобализации, разделение культур по простым критериям не помогает нам лучше понимать людей, живущих в разных культурных контекстах. Если мы углубляемся в каждую уникальную культуру и изучаем поведение индивида, выросшего под влиянием данной культуры, то можем глубже понять сходство и различия между культурами. Соответственно, на основе понимания сути национальной культуры возможно более продуктивное изучение личности.

Методы исследования

Цель данного исследования заключается в выяснении соотношения целевых детерминант поведения человека с осмысленностью им жизни. Немаловажное значение имеет определение сходства и различий в целевых детерминантах осмысленности жизни носителей русского и китайского языков.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что реализация целей человека в основных жизненных сферах вызывает у него чувство осмысленности жизни. В процессе постановки и достижения целей отражается влияние культуры как ситуационного фактора на целевую детерминацию осмысленности жизни человека.

Выборка. В исследовании приняли участие 293 взрослых человека (средний возраст $27,41 \pm 7,40$ лет), из них 143 представителя русской культуры, 150 представителей китайской, 198 женщин, 95 мужчин, 160 жителей мегаполисов (Санкт-Петербург, Москва, Пекин, Шанхай, Гонконг и др.), 133 жителя других регионов.

Методики. Методом исследования выступил метод опроса. Для изучения соотношения целевых детерминант жизнедеятельности человека с осмысленностью жизни в опрос были включены следующие методики.

1. Методика «Жизненная модель», разработанная кафедрой психологии личности СПбГУ. В данную методику включен ряд вопросов, посвященных таким основным значимым для человека жизненным сферам, как профессиональная, материальная, сфера межличностных отношений, сфера Я, отражающая стремление человека к самоактуализации и личностному росту и т. д. (Костромина и др., 2021). В данную методику включаются тридцать утверждений и пять субшкал: «Активная жизненная позиция», «Готовность к изменениям», «Традиционные семейные ценности», «Близость с родительской семьей», «Ориентация на личный достаток и благополучие».

2. Для изучения целей в материальной, профессиональной, межличностной и персональной сферах жизни был использован разработанный опросник, включавший ряд вопросов, концентрирующихся на:

- удовлетворенности реализации в этих сферах;
- значимости для человека целей в этих сферах;
- субъективной оценке возможностей, которые человеку предоставляет актуальная жизненная ситуация для достижения целей в основных жизненных сферах;
- готовности к изменениям для достижения этих целей (Грипина, 2023).

Стоит отметить, на основе анализа литературы и результатов проведенного нами пилотажного исследования мы добавили в опросную форму цели в благотворительной сфере жизни.

3. Для выяснения отношения человека к собственной жизни был применен тест «Смысложизненные ориентации», адаптированный Д. А. Леонтьевым русскоязычный вариант (Леонтьев, 1992) и Инь Мэйци китаяязычный (Yin, 1988).

Математическая обработка данных

Для математической обработки данных были применены методы факторного анализа, кластерного анализа, дисперсионного анализа, и метод t-критерий Стьюдента. Все анализы были проведены в русскоязычной и китаяязычной выборках отдельно.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе был проведен факторный анализ для объединения вопросов о целях в факторы. В результате анализа в русской выборке были выделены пять факторов – «Значимость целей в основных сферах жизни и оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для их достижения» (далее «Значимость целей и оценка возможностей»); «Удовлетворенность своей реализацией в основных сферах жизни» (далее «Удовлетворенность своей жизнью»); «Готовность к изменениям в профессиональной и материальной сферах»; «Оценка возможностей осуществления целей в межличностной и благотворительной сферах» и «Семья и жилье». В китаяской выборке также были объединены пять факторов – «Значимость целей будущего, оценка возможностей жизненной ситуации и готовность к изменениям для их достижения» (далее «Значимость целей, оценка возможностей и готовность к изменениям»); «Удовлетворенность своей жизнью»; «Цели в благотворительной сфере»; «Нынешняя жизненная ситуация» и «Цели в межличностной сфере». По результатам анализа можно обнаружить, что в обеих выборках значимость целей человека в основных сферах жизни объединена с оценкой возможностей их реализации в своей актуальной жизненной ситуации. Это показывает, что целевая регуляция поведения человека носит контекстуальный характер – человек определяет и оценивает «плюсы» и «минусы» в жизненном контексте при постановке и достижении собственных жизненных целей.

Далее, с целью выяснения соотношения целевых детерминант поведения человека с его ощущением осмысленности жизни и различий между представителями русской и китаяской национальных культур были выделены кластеры с помощью двухэтапного кластерного анализа.

В результате анализа русскоязычная выборка была разделена на три группы по следующим параметрам (см. табл. 1): «Значимость целей и оценка возможностей», «Чувство осмысленности жизни», «Активная жизненная позиция», «Удовлетворенность своей жизнью» и «Готовность к изменениям в профессиональной и материальной сферах». В первую группу вошли 56 человек, во вторую – 61 человек, в третью – 26 человек.

В первую группу ($n = 56$) вошли участники, среди трех групп условно наименее чувствующие жизнь осмысленной. Они менее активно включаются в собственную жизнь, цели в основных жизненных сферах не занимают в их жизни настолько важное место, сколько в других двух группах. По сравнению с респондентами других групп они не видят в собственной жизненной ситуации достаточных возможностей для осуществления целей, недовольны актуальным жизненным состоянием, менее готовы к изменениям в профессиональной и материальной сферах жизни.

Респонденты второй группы ($n = 61$) характеризуются средней выраженностью осмысленности жизни, высокой включенностью и удовлетворенностью собственной жизнью. В определенной степени участники данной группы готовы изменять профессиональную и материальную ситуации жизни. Но они также, как участники первой группы, не считают цели в основных жизненных сферах для себя достаточно значимыми, более того, определяют, что у них отсутствуют возможности для достижения своих целей в жизненном контексте.

Участники третьей группы ($n = 26$) отличаются наиболее высокой выраженностью осмысленности жизни. При наличии целей в разных жизненных сферах члены данной группы считают, что у них в жизненной ситуации существуют возможности достигать собственных целей. По сравнению с участниками с низким уровнем осмысленности жизни респонденты третьей группы более активно участвуют в собственной жизни, более довольны своей актуальной жизнью. Они готовы внести изменение в профессиональную и материальную сферы.

Таблица 1. Результаты распределения кластеров в русскоязычной выборке

Название показателей	Важность показателей в разделении кластеров	Среднее		
		Кластер 1 (n = 56)	Кластер 2 (n = 61)	Кластер 3 (n = 26)
Значимость целей в основных сферах жизни и оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для их достижения	1,00	–0,24	–0,57	1,84
Чувство осмысленности жизни	0,59	65,93	84,49	103,62
Активная жизненная позиция	0,33	19,82	25,67	23,96
Удовлетворенность своей жизнью	0,27	–0,71	0,54	0,27
Готовность к изменениям в профессиональной и материальной сферах	0,05	–0,32	0,14	0,37

Для сравнения характеристик трех групп и проверки значительности различий в критериях разделения кластеров в русской выборке был проведен однофакторный дисперсионный анализ (см. табл. 2).

Таблица 2. Значимые различия кластеров, полученные методом однофакторного дисперсионного анализа

Название переменной	Номер кластера	Номер кластера	Средняя разность	p
Активная жизненная позиция	Кластер 1	Кластер 2	–5,85	< 0,001
		Кластер 3	–4,14	< 0,001
	Кластер 2	Кластер 1	5,85	< 0,001
	Кластер 3	Кластер 1	4,14	< 0,001
Значимость целей в основных сферах жизни и оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для их достижения	Кластер 1	Кластер 2	0,33	< 0,001
		Кластер 3	–2,08	< 0,001
	Кластер 2	Кластер 1	–0,33	< 0,001
		Кластер 3	–2,41	< 0,001
	Кластер 3	Кластер 1	2,08	< 0,001
		Кластер 2	2,41	< 0,001
Удовлетворенность своей жизнью	Кластер 1	Кластер 2	–1,25	< 0,001
		Кластер 3	–0,98	0,00
	Кластер 2	Кластер 1	1,25	< 0,001
	Кластер 3	Кластер 1	0,98	0,00

Готовность к изменениям в профессиональной и материальной сферах	Кластер 1	Кластер 2	–0,46	0,04
		Кластер 3	–0,69	0,01
	Кластер 2	Кластер 1	0,46	0,04
	Кластер 3	Кластер 1	0,69	0,01
Чувство осмысленности жизни	Кластер 1	Кластер 2	–18,56	< 0,001
		Кластер 3	–37,69	< 0,001
	Кластер 2	Кластер 1	18,56	< 0,001
		Кластер 3	–19,12	< 0,001
	Кластер 3	Кластер 1	37,69	< 0,001
		Кластер 2	19,12	< 0,001

В результате анализа были обнаружены существенные различия между тремя кластерами только по показателям «Значимость целей и оценка возможностей» и «Чувство осмысленности жизни». Различия в остальных показателях были выяснены только между первым кластером и другими двумя кластерам, т. е., значительных различий между участниками со средним уровнем и участниками с высоким уровнем осмысленности жизни не было выяснено в показателях «Активная жизненная позиция», «Удовлетворенность своей жизнью» и «Готовность к изменениям в профессиональной и материальной сферах».

Суммируя результаты кластерного и дисперсионного анализов, приходим к выводу: представители русской культуры с низким уровнем осмысленности жизни существенно отличаются от представителей со средним и высоким уровнями осмысленности жизни низкой включенностью в жизнь, низкой удовлетворенностью актуальной жизненной ситуацией, ориентацией на стабильность в профессиональной и материальной сферах. Представители со средним и высоким уровнями осмысленности жизни различаются в значимости жизненных целей и оценке возможностей их осуществления: чем большим значением для человека обладают в его жизни цели, чем больше он видит в жизни возможностей, тем более наполненной он ощущает жизнь.

Стоит отметить, что носители русского языка, чувствующие жизнь наименее осмысленной, считают цели в основных областях жизни важнее и оценивают возможности в жизненной ситуации для их достижения выше, чем носители со средним уровнем осмысленности жизни. Это, возможно, связано с принятием реальных действий в жизни, т. е., человек ставит значимые для него цели и считает,

что жизненная ситуация позволяет ему их осуществлять, но он не занимается этим на действенном уровне. Данное предположение требует проверки в дальнейшем исследовании.

Таким образом, можно подтверждать, что жизненные цели играют значительную роль в жизни представителей русской культуры, а цели в основных сферах жизни как способ взаимодействия человека с окружающим миром тесно связаны с его отношением к собственной жизни.

Китайскоязычная выборка была разделена на две группы по следующим параметрам: «Активная жизненная позиция», «Чувство осмысленности жизни», «Близость с родительской семьей», «Удовлетворенность своей жизнью», «Готовность к изменениям», «Традиционные семейные ценности» и «Цели в межличностной сфере». В первую группу вошли 64 участника, во вторую – 86 человек. Для конкретизации значимых различий целевых факторов, выступающих критериями распределения кластеров, был проведен анализ с помощью t-критерия Стьюдента (см. табл. 3).

В результате анализа были выяснены характеристики групп с разной выраженностью чувства осмысленности жизни. Участники первой группы ($n = 64$) по сравнению с участниками второй группы ощущают жизнь более осмысленной, они придерживаются более активной жизненной позиции, более склонны к изменениям. Они находятся в более близких отношениях с родительской семьей, чем участники второй группы, а также считают традиционные семейные ценности более важными. Но они менее довольны актуальной жизнью, и цели в межличностной сфере играют несущественную роль в их жизни.

Респонденты второй группы ($n = 86$) чувствуют свою жизнь менее наполненной, менее активно включают в собственную жизнь, ставят выше цели в межличностной сфере, более ориентированы на стабильности. Но участники данной группы отличаются высокой удовлетворенностью собственной жизнью. Для них традиционные семейные ценности не занимают столь важное место, как для участников первой группы, а также они более отдалены от родительской семьи.

На основе кластерного и сравнительного анализов китайской выборки можно сделать вывод: представители китайской культуры с высокой выраженностью осмысленности жизни более активно включают в свою жизнь, более готовы к изменениям, они находятся в более близких отношениях с родительской семьей и придерживаются традиционных семейных ценностей. Интересно,

что они менее довольны актуальной жизненной ситуацией и менее концентрируются на целях межличностной сферы жизни. А представители, ощущающие жизнь менее наполненной, не активно участвуют в жизни и ориентируются на стабильность, более отдалены от родительской семьи и предпочитают сомневаться в традиционных семейных ценностях, но зато они более довольны своей жизнью в настоящее время и считают более важными наличие близких отношений и общение с людьми. Действительно ли представители китайской культуры «игнорируют» личные цели или же их цели носят имплицитный характер – необходимо исследовать в дальнейшем.

Таблица 3. Результаты кластерного и сравнительного анализа по целевым показателям осмысленности жизни в китайскоязычной выборке

Название показателей	Важность показателей в распределении кластеров	Среднее		t-критерий	p
		Кластер 1 (n = 64)	Кластер 2 (n = 86)		
Активная жизненная позиция	1,00	25,45	19,70	12,17	< 0,001
Чувство осмысленности жизни	0,91	105,16	82,73	11,42	< 0,001
Близость с родительской семьей	0,54	23,91	18,30	8,20	< 0,001
Удовлетворенность своей жизнью	0,53	-0,47	0,63	7,98	< 0,001
Готовность к изменениям	0,49	22,70	19,16	7,56	< 0,001
Традиционные семейные ценности	0,32	21,02	16,73	5,81	< 0,001
Цели в межличностной сфере	0,12	-0,29	0,22	-3,16	< 0,001

Выводы

Были проведены факторный, двухэтапный кластерный и сравнительный анализы в русской и китайской выборках отдельно. По результатам факторного анализа в обеих выборках значимость жизненных целей и оценка возможностей их достижения объединились в один фактор, что отражает контекстуальный характер целевой регуляции поведения человека.

В результате двухэтапного анализа русская выборка была разделена на три кластера. В первую группу вошли 56 человек, во вторую 61 человек, в третью – 26 человек. По показателям «Значимость целей

и оценка возможностей» и «Чувство осмысленности жизни» были выделены значительные различия между тремя группами, это означает, что жизненные цели и оценка возможностей для их осуществления у носителей русского языка оказывают существенное влияние на чувство осмысленности жизни. Представители с низким уровнем осмысленности жизни существенно отличаются от представителей других групп целевыми факторами – «Активная жизненная позиция», «Удовлетворенность своей жизнью» и «Готовность к изменениям в профессиональной и материальной сферах», а по этим показателям значительные различия между носителями русского со средним и высоким уровнями осмысленности жизни не были обнаружены. Данные результаты демонстрируют фундаментальную роль личных целей в ощущении смысла жизни представителями русской культуры.

Китайская выборка была разделена на два кластера. В первый вошли 64 человека, во второй – 86 человек. Представители первой группы отличаются высокой осмысленностью жизни, они более жизненно активны, в их повседневности занимают значительное место семья и традиционные ценности. Однако интересно отметить, что представители этой группы менее довольны актуальной жизненной ситуацией и не концентрируются на целях в межличностной сфере жизни. Респонденты второй группы ощущают жизнь менее наполненной, они менее активно включаются в собственную реальность, они более дистанцированы от родительской семьи и обращают меньше внимания на традиционные семейные ценности. Но эта группа более довольна текущей жизнью и делает акцент на целях в общении с людьми и близких отношениях. Полученные результаты отражают значимое место семейных отношений в китайской национальной культуре. Даже под влиянием современности семья все еще влияет на представителей китайской культуры при определении смысла жизни и регулирует их поведение.

Итак, человек оценивает возможности и ограничения жизненной ситуации при постановке и достижении целей в основных сферах жизнедеятельности. Реализация значимых целей порождает у русского респондента чувство осмысленности жизни. Семейные отношения и ценности предлагают китайскому респонденту жизненные ориентиры – это говорит о том, что национальная культура продолжает играть важную роль в выборе китайцами своего жизненного пути.

Какие возможности и ограничения видит личность в своей жизненной ситуации, каким образом это влияет на ее жизненный выбор и отношение к собственной жизни, какие конкретные культурные

факторы формируют субъективную интерпретацию ситуации в повседневном контексте – эти проблемы требуют дальнейшего исследования.

Литература

- Адлер, А. Индивидуальная психология / История зарубежной психологии. М.: Изд. Московского университета, 1986. С. 131–140.
- Гришина, Н.В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 3. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.684>
- Гришина, Н.В. Целевая регуляция поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 3. С. 310–323. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>
- Костромина, С.Н., Гришина, Н.В., Москвичева, Н.А., Зиновьева, Е.В. Жизненные модели молодежи: изменения и традиции // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 1. № 103. С. 79–98.
- Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.
- Леонтьев, Д.А. О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» // Культурно-историческая психология. 2013. Т. 9. № 1. С. 22–31.
- Austin, J.T., Vancouver, J.B. Goal constructs in psychology: Structure, process, and content // Psychological Bulletin. 1996. Vol. 120. No. 3. P. 338–372.
- Baumeister, R.F., Vohs, K.D., Aaker, J.L., Garbinsky, E.N. Some key differences between a happy life and a meaningful life // The Journal of Positive Psychology. 2013. Vol. 8. No. 6. P. 505–516. <https://doi.org/10.1080/17439760.2013.830764>
- Brunstein, J.C. Personal goals and subjective well-being: A longitudinal study // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. No. 5. P. 1061–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.5.1061>
- Carver, C.S., Scheier, M.F. Optimism, pessimism, and self-regulation / In E.C. Chang (Ed.), Optimism & pessimism: Implications for theory, research, and practice. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. P. 31–51. <https://doi.org/10.1037/10385-002>
- Compton, W.C., Smith, M.L., Cornish, K.A., Qualls, D.L. Factor structure of mental health measures // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71. No. 2. P. 406–413. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.406>

- Ebersole, P. Types and depth of written life meanings / In P.T.P. Wong & P.S. Fry (Eds.), *The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1998. P. 179–191.
- Elliot, A.J., Chirkov, V.I., Kim, Y., Sheldon, K.M. A cross-cultural analysis of avoidance (relative to approach) personal goals // *Psychological Science*. 2001. Vol. 12. No. 6. P. 505–510. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00393>
- Emmons, R.A. Personal strivings: An approach to personality and subjective well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. No. 51. P. 1058–1068.
- Emmons, R.A. Striving and feeling: Personal goals and subjective well-being / In P.M. Gollwitzer & J.A. Bargh (Eds.), *The psychology of action: Linking cognition and motivation to behavior*. New York: The Guilford Press, 1996. P. 313–337.
- Emmons, R.A. Striving for the sacred: Personal goals, life meaning, and religion // *Journal of social issues*. 2005. Vol. 61. No. 4. P. 731–745.
- Frisch, M.B. Quality of life therapy and assessment in health care // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 1998. Vol. 5. No. 1. P. 19–40. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2850.1998.tb00132.x>
- Heine, S.J., Lehman, D.R. Culture, self-discrepancies, and self-satisfaction // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25. No. 8. P. 915–925. <https://doi.org/10.1177/01461672992511001>
- Humphrey, A., Vari, O. Meaning Matters: Self-Perceived Meaning in Life, Its Predictors and Psychological Stressors Associated with the COVID-19 Pandemic // *Behavioral Sciences (Basel)*. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 50. <https://doi.org/10.3390/bs11040050>
- Klinger, E. The search for meaning in evolutionary perspective and its clinical implications / In P.T.P. Wong & P.S. Fry (Eds.), *Handbook of personal meaning: Theory, research, and application*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. P. 27–50.
- Lazarus, R.S. *Emotion and adaptation*. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Lekes, N., Gingras, I., Philippe, F.L., Koestner, R., Fang, J. Parental autonomy-support, intrinsic life goals, and well-being among adolescents in China and North America // *Journal of Youth and Adolescence*. 2010. Vol. 39. No. 8. P. 858–869. <https://doi.org/10.1007/s10964-009-9451-7>
- Markus, H.R., Kitayama, S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review*. 1991. Vol. 98. No. 2. P. 224–253. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.2.224>

- Markus, H.R., Kitayama, S., Heiman, R.J. Culture and “basic” psychological principles / In E.T. Higgins & A.W. Kruglanski (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles*. New York: The Guilford Press, 1996. P. 857–913.
- Miyamoto, Y., Knoopfner, C. A., Ishii, K., & Ji, L.-J. Cultural Variation in the Focus on Goals Versus Processes of Actions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2013. Vol. 39. No. 6. P. 707–719. <https://doi.org/10.1177/0146167213483579>
- Oishi, S. Goals as cornerstones of subjective well-being: Linking individuals and cultures / In E. Diener & E.M. Suh (Eds.), *Culture and subjective well-being*. Cambridge: The MIT Press, 2000. P. 87–112.
- Reker, G.T., Wong, P.T.P. Aging as an individual process: Toward a theory of personal meaning / In J.E. Birren & V.L. Bengtson (Eds.), *Emergent theories of aging*. New York: Springer Publishing Company, 1988. P. 214–246.
- Ryan, R.M., Chirkov, V.I., Little, T.D., Sheldon, K.M., Timoshina, E., Deci, E.L. The American dream in Russia: Extrinsic aspirations and well-being in two cultures // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25. P. 1509–1524.
- Ryan, R.M., Deci, E.L. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: The Guilford Press, 2017. <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>
- Ryff, C.D., Keyes, C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. No. 4. P. 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
- Shweder, R.A., Goodnow, J., Hatano, G., LeVine, R.A., Markus, H., Miller, P. The cultural psychology of development: One mind, many mentalities / In W. Damon & R.M. Lerner (Eds.), *Handbook of child psychology: Theoretical models of human development*. New York: John Wiley & Sons Inc, 1998. P. 865–937.
- Wong, P.T.P. Implicit theories of meaningful life and the development of the Personal Meaning Profile / In P.T.P. Wong & P.S. Fry (Eds.), *The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1998. P. 111–140.
- Yin, M. The relationship between religious beliefs, meaning in life, psychological needs and mental health of Chinese university students. Master’s thesis. Taipei: National Taiwan Normal University, 1988.

Сведение об авторе

Чжолить Чжоу, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; zjoja971204303@yandex.ru

Zhou Z.

Life Goals as a Meaning-Giving Factor
in the Lives Representatives of Russian and Chinese Cultures

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The article considers the realization of human goals in the main spheres of life activity and the relationship of this process with the meaning of life. Special attention is paid to the role of culture as the most important situational factor. The study was conducted among 293 representatives of Russian and Chinese cultures, including 143 native speakers of Russian, 150 native speakers of Chinese, average age 27.4 ± 7.4 years. Factor, cluster and comparative analyses were applied separately in two samples. The following results were obtained. Goal regulation of human behavior is contextual in nature – in both samples, goal setting and goal attainment are related to a person's assessment of the opportunities provided by his or her life situation. As a result of cluster analysis, the Russian-speaking sample is divided into three groups. As a result of comparative analysis, significant differences were found between all three groups in such indicators as the importance of life goals, assessment of life situation opportunities, and the sense of meaningfulness of life. In the Russian sample, the more important a person considers life goals, the more opportunities sees in life situation to achieve them, the more feels own life is meaningful. The Chinese-speaking sample is divided into two groups by significant differences. In this sample, it is found that the more active a person is in life, he has the more willing to change, the more satisfied he is with his own life, the closer he with his parental family, and the more oriented he is on traditional and family values, the more he feels that life is meaningful.

Key words: life goals, goal regulation, meaningfulness of life, life situation, culture

For citation: Zhou, Z. (2024). Life Goals as a Meaning-Giving Factor in the Lives Representatives of Russian and Chinese Cultures. *New Psychological Research*, No. 1, 57–78. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_01_03

References

- Adler, A. (1986). Individual psychology. In *History of foreign psychology* (pp. 131–140). Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta.
- Austin, J.T., Vancouver, J.B. (1996). Goal constructs in psychology: Structure, process, and content. *Psychological Bulletin*, 120(3), 338–372.
- Baumeister, R.F., Vohs, K.D., Aaker, J.L., & Garbinsky, E.N. (2013). Some key differences between a happy life and a meaningful life. *The Journal of Positive Psychology*, 8(6), 505–516. <https://doi.org/10.1080/17439760.2013.830764>

- Brunstein, J.C. (1993). Personal goals and subjective well-being: A longitudinal study. *Journal of Personality and Social Psychology*, 65(5), 1061–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.5.1061>
- Carver, C.S., & Scheier, M.F. (2001). Optimism, pessimism, and self-regulation. In E.C. Chang (Ed.), *Optimism & pessimism: Implications for theory, research, and practice* (pp. 31–51). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/10385-002>
- Compton, W.C., Smith, M.L., Cornish, K.A., & Qualls, D.L. (1996). Factor structure of mental health measures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(2), 406–413. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.406>
- Ebersole, P. (1998). Types and depth of written life meanings. In P.T.P. Wong, P.S. Fry, (Ed.), *The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications* (pp. 179–191). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Elliot, A.J., Chirkov, V.I., Kim, Y., & Sheldon, K.M. (2001). A cross-cultural analysis of avoidance (relative to approach) personal goals. *Psychological Science*, 12(6), 505–510. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00393>
- Emmons, R.A. (1986). Personal strivings: An approach to personality and subjective well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, (51), 1058–1068.
- Emmons, R.A. (1996). Striving and feeling: Personal goals and subjective well-being. In P.M. Gollwitzer & J.A. Bargh (Eds.), *The psychology of action: Linking cognition and motivation to behavior* (pp. 313–337). New York: The Guilford Press.
- Emmons, R.A. (2005). Striving for the sacred: Personal goals, life meaning, and religion. *Journal of social issues*, 61(4), 731–745.
- Frisch, M.B. (1998). Quality of life therapy and assessment in health care. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 5(1), 19–40. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2850.1998.tb00132.x>
- Grishina, N.V. (2013). Changes of life situation: situational approach. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 6(30), 3. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.684>
- Grishina, N.V. (2023). Purpose regulation of human behavior. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 13(3), 310–323. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>
- Heine, S.J., & Lehman, D.R. (1999). Culture, self-discrepancies, and self-satisfaction. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 25(8), 915–925. <https://doi.org/10.1177/01461672992511001>
- Humphrey, A., & Vari, O. (2021). Meaning matters: Self-perceived meaning in life, Its predictors and psychological stressors associated with the COVID-19 pandemic. *Behavioral sciences*, 11(4), 50.

- Klinger, E. (1998). The search for meaning in evolutionary perspective and its clinical implications. In P.T.P. Wong & P.S. Fry (Eds.), *Handbook of personal meaning: Theory, research, and application* (pp. 27–50). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Moskvicheva, N.L., Zinovieva, E.V. (2021). Life models of youth: changes and traditions. *Vestnik RFFI. Gumanitarnie i obshchestvennye nauki*, 1(103), 79–98.
- Lazarus, R.S. (1991). *Emotion and adaptation*. Oxford: Oxford University Press.
- Lekes, N., Gingras, I., Philippe, F.L., Koestner, R., & Fang, J. (2010). Parental autonomy-support, intrinsic life goals, and well-being among adolescents in China and North America. *Journal of Youth and Adolescence*, 39(8), 858–869. <https://doi.org/10.1007/s10964-009-9451-7>
- Leontiev, D.A. (1992). Life meaning orientations test. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D.A. (2013). Culture and personality: On some aspects of the problem. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*, 9(1), 22–31.
- Markus, H.R., & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98(2), 224–253. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.2.224>
- Markus, H.R., Kitayama, S., & Heiman, R.J. (1996). Culture and “basic” psychological principles. In E.T. Higgins & A.W. Kruglanski (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 857–913). New York: The Guilford Press.
- Miyamoto, Y., Knoopfeler, C.A., Ishii, K., & Ji, L.-J. (2013). Cultural Variation in the Focus on Goals Versus Processes of Actions. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 39(6), 707–719. <https://doi.org/10.1177/0146167213483579>
- Oishi, S. (2000). Goals as cornerstones of subjective well-being: Linking individuals and cultures. In E. Diener & E.M. Suh (Eds.), *Culture and subjective well-being* (pp. 87–112). Cambridge: The MIT Press.
- Reker, G.T., & Wong, P.T.P. (1988). Aging as an individual process: Toward a theory of personal meaning. In J.E. Birren & V.L. Bengtson (Eds.), *Emergent theories of aging* (pp. 214–246). Springer Publishing Company.
- Ryan, R.M., & Deci, E.L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: The Guilford Press. <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>
- Ryan, R.M., Chirkov, V.I., Little, T.D., Sheldon, K.M., Timoshina, E., & Deci, E.L. (1999). The American dream in Russia: Extrinsic aspirations and well-being in two cultures. *Personality and Social Psychology Bulletin*, (25), 1509–1524.
- Ryff, C.D., & Keyes, C.L.M. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>

- Shweder, R.A., Goodnow, J., Hatano, G., Levine, R.A., Markus, H., & Miller, P. (1998). The cultural psychology of development: One mind, many mentalities. In W. Damon & R.M. Lerner (Eds.), *Handbook of child psychology: Theoretical models of human development* (pp. 865–937). New York: John Wiley & Sons Inc.
- Wong, P.T.P. (1998). Implicit theories of meaningful life and the development of the Personal Meaning Profile. In P.T.P. Wong, P.S. Fry, (Eds.), *The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications* (pp. 111–140). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Yin, M. (1988). *The relationship between religious beliefs, meaning in life, psychological needs and mental health of Chinese university students*. Master's thesis. Taipei: National Taiwan Normal University.

Information about the author

Zhuolin Zhou, Postgraduate Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034; zjoja971204303@yandex.ru